

Научная статья
УДК 351.745.7
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>

Андрей Иванович Тамбовцев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1*

Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности

Аннотация: Введение. Специальные химические вещества (далее – СХВ) активно и разнообразно применяются в правоохранной деятельности вообще и в оперативно-розыскной в частности на протяжении очень длительного периода времени. В то же время правовая ситуация осложняется тем, что, несмотря на длительное и результативное использование СХВ в практической деятельности правоохранительных и в т. ч. оперативных подразделений, Российская наука и правоприменительная практика до сих пор не имеют единого и легитимного понятия «специальных химических веществ» и официальных юридических критериев безопасности их применения, а научное сообщество до сих пор окончательно и безальтернативно не определилось к чему же они относятся. В указанных условиях и законодательство, и правоприменительная практика нуждаются в научно обоснованном понятийно-категориальном аппарате и юридически установленных критериях легитимного и безопасного оборота специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения. **Методы.** В исследовании применялись общенаучный диалектический, сравнительно-правовой, формально-логический методы и метод контент-анализа. Это позволило выявить доказательства нормативного правового дефицита в части регламентации правомерного и безопасного оборота специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения при предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, и розыске преступников. **Результаты.** Основываясь на результатах проведённого анализа Российского законодательства и многочисленных предшествующих научных изысканий иных правоведов, автор приходит к обоснованному заключению, что в настоящее время законодательное регламентирование оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения является нормативно выхолощенным и нуждается в немедленном восполнении в части нормативного определения основных понятий и требований к СХВ. Автором предлагается аутентичное определение понятия «специальное химическое вещество», учитывающее требования к его безопасности.

Ключевые слова: специальные средства оперативно-розыскной деятельности, специальные химические вещества, специальные средства, безопасность, оперативно-розыскная деятельность, средства следообразования

Для цитирования: Тамбовцев А. И. Проблемы нормативной регламентации оборота и безопасности специальных химических веществ в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 183–200; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>.

Andrei I. Tambovtsev

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0009-0004-9418-7060>, bestcopat@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Problems of normative regulation of special chemicals use and safety in operational detective activities

Abstract: Introduction. Special chemical substances are actively and variously used in law enforcement in general and in operational detective activities in particular for a very long period of time. At the same time, the legal situation is complicated by the fact that, despite the long and effective use of special chemicals in practical activities of law enforcement and operational units, Russian science and law enforcement practice still do not have the unified and legitimate concept of “special chemical substances” as well as the official legal criteria for the safety of their use, and the scientific community has not yet finally and irrevocably determined what special chemicals belong to. Under these conditions, both legislation and law enforcement practice need a scientifically substantiated conceptual and categorical apparatus and legally established criteria for legitimate and safe use of special chemicals of operational detective designation. **Methods.** The study applied general scientific dialectical, comparative-legal, formal-logical methods and the method of content analysis. This allowed identifying evidence of normative legal deficit in terms of regulation of lawful and safe use of special chemicals of operational detective designation in prevention, suppression and detection of crimes, and search for criminals. **Results.** Based on the results of the conducted Russian legislation analysis and numerous previous scientific researches by other legal scholars, the author comes to the reasonable conclusion that at present the legislative regulation of the use and safety of special chemicals of operational detective designation is normatively emasculated and needs immediate replenishment in terms of the normative definition of the basic concepts and requirements for special chemical substances. The author proposes authentic definition of “special chemical substance” concept that takes into account the requirements for its safety.

Keywords: special means of operational detective activities, special chemical substances, special means, security, operational detective activities, means of trace formation

For citation: Tambovtsev A. I. Problems of normative regulation of special chemicals use and safety in operational detective activities // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 2 (102). – P. 183–200; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-183-200>.

Введение

Специальные химические вещества (далее – СХВ) активно и разнообразно применяются в правоохранной деятельности вообще и в оперативно-розыскной (далее – ОРД), в частности, на протяжении очень длительного периода времени. Эти субстанции в виде порошков, жидкостей и мазей используются субъектами ОРД в целях раскрытия и документирования преступлений как самостоятельный инструмент и как элемент химических ловушек, о чем ранее неоднократно указывалось исследователями¹ [1, с. 119–218; 2, с. 86–87; 3, с. 15–17; 4, с. 344–348; 5, с. 43–45]. Длительное время СХВ и химические ловушки использовались в основном в борьбе с карманными кражами [6, с. 35–38], но постепенно эта практика распространилась на предупреждение и раскрытие должностных и коррупционных преступлений, хищений из закрытых хранилищ, незаконный оборот оружия и наркотиков и пр. [7–12]. Несмотря на отсутствие специальной статистики именно по применению СХВ, ученые, основываясь на собственных научных изысканиях отмечают возрастание интенсивности их использования в оперативно-розыскных целях² [13–15; 16, с. 273]. В то же время правовая ситуация осложняется тем, что, несмотря на длительное и результативное использование СХВ в практической деятельности оперативных подразделений, Российская наука и правоприменительная практика до сих пор не имеют единого и легитимного понятия

¹ Черных А. А., Безгачев Ф. В. Специальные окрашивающие и маркирующие средства : учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – 76 с.

² Архипов А. Ю. Использование специальных химических веществ и химических ловушек в деятельности оперативных подразделений : отчет о НИР. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. – 21 с.

«специальных химических веществ» и официальных юридических критериев безопасности их применения, а научное сообщество до сих пор окончательно и безальтернативно не определилось к чему же они относятся.

Согласно разделяемым нами многочисленным научным и академическим позициям, специальные химические вещества относятся к специальным техническим средствам³, на чем и будут построены наши дальнейшие рассуждения. В то же время, охватываемые указанным понятием «специальные технические средства» и используемые в действующем оперативно-розыскном (и смежных с ним) законодательстве такие термины, как «технические средства», «специальные средства», «негласные средства», «средства разведывательной деятельности» не раскрываются законодателем в достаточных для однозначного юридического толкования пределах и допускают широкую вариативность их интерпретаций учеными и практиками, нарушая при этом основополагающий постулат законотворчества – «необходимость использования терминов с четким и строго очерченным смыслом и единстве применяемой в законодательстве терминологии» [17, с. 23]. На фоне научной неопределенности и термина, и, что более важно – самого данного инструментария, как социально-правового явления, законодатели находятся в очень сложной ситуации – в необходимости нормативно определить и регламентировать то, что до сих пор не имеет единого понятия и дефиниции в научной среде.

Методы

Для всестороннего и полного анализа рассматриваемого аспекта и последующих выводов в процессе исследования применялись общенаучный диалектический, формально-логический методы, посредством которых были выявлены, подтверждены и сформулированы наиболее проблемные аспекты рассматриваемой сферы деятельности. На основе проведенных сравнительно-правового и содержательного (контент-анализа) исследования широкого ряда ранее действовавших и действующих ныне нормативных правовых актов и правоприменительной практики были выявлены несогласованные и противоречивые положения норм ряда федеральных законов и кодексов, порождающие коллизионность их толкования и воплощения в практическую деятельность. Это позволило автору заявлять о существующей нормативной выхолощенности правовой регламентации легитимного и безопасного оборота специальных химических веществ при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, и как следствие этого – о насущной необходимости скорейшего приведения соответствующих нормативных правовых актов в строгое внутреннее и внешнее соответствие.

Результаты

Изучение нами большого количества федеральных законов и кодексов, прямо и категорично свидетельствует, что Российское законодательство «нормативно игнорировало», обошло стороной рассматриваемый аспект правоохранительной деятельности, породив множество теоретических и практических проблем, связанных с использованием специальных химических веществ. И это при том, что применение специальных химических веществ в правоохранительной деятельности является эффективным, а подчас даже незаменимым инструментом ОРД.

Прежде всего, считаем обязательным указать на отсутствие в российском федеральном правоприменительном законодательстве официального юридического, а потому – легитимного, понятия «специальные химические вещества» (более того, в российском законодательстве отсутствует и официальное понятие «химические вещества»!), которым могли бы оперировать в правоприменительной и судебной практике субъекты и участники уголовного процесса, административной и оперативно-розыскной деятельности, а также ученые, изучающие соответствующую проблематику. В ситуации отсутствия законодательно определенной официальной дефиниции, раскрывающей правовые, функциональные, организационно-тактические и любые иные особенности рассматриваемого понятия (термина) «специальные химические вещества», использование

³ См., например: Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. – Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2015. – С. 76; Шхагапсоев З. Л. [и др.] Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 95; Назаров С. В. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие. – Санкт-Петербург: СЮА, 2018. – С. 162; Баумтрог В. Э. Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах : учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – С. 21; Черных А. А., Безгачев Ф. В. Специальные окрашивающие и маркирующие средства : учебное пособие. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 5.

и понятия (термина) и самого инструментария, т. е. СХВ, способно породить коллизию мнений о том, какой смысл вкладывается законодателем в этот термин (понятие), какие виды специальных химических веществ, кем и как могут использоваться. При этом необходимо отметить, что и в немногочисленных найденных нами работах научного, методического и учебного характера нет актуального (в формате дефиниции в норме федерального закона) определения данного понятия.

Однако, возможно, что отсутствие в оперативно-розыскном (и в правоприменительном вообще) законодательстве официального, но при этом явно не юридического (не правового) термина не является серьезной проблемой для самих правоприменителей? Подобных примеров в законодательствах различных отраслей права великое множество! Этим «страдают» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ (далее – УПК РФ), и Закон «Об оперативно-розыскной деятельности»⁵, и Закон «О полиции»⁶ и многие другие федеральные законы и кодексы. Полагаем, все-таки, что в данном конкретном случае проблема имеется и она НЕ незначительна! Проведенный нами контент-анализ иных федеральных законов и кодексов⁷, прямо или косвенно регламентирующих оборот химических веществ, и потому гипотетически способных содержать данное или аналогичное ему понятие, свидетельствует о его полном отсутствии в нормативных правовых актах уровня федеральных законов. Считаю, что специальные химические вещества оперативно-розыскного (а также и иного правоохранительного) предназначения, как разновидность химических веществ вообще, являются оперативно-розыскным (а в целом – правоохранительным) инструментарием, следует признать отсутствие в законодательстве данного (как, впрочем, и многих иных) легитимного термина существенным упущением российских нормотворцев.

Сфера правоприменения и особенно – противодействия преступности, в которой используется СХВ, является социально очень «тонкой», критически важной и для государства и для отдельной личности, где даже незначительные терминологические нюансы могут обуславливать противоположные взгляды, мнения, выводы и решения и иметь витальное значение, как для выполнения оперативно-розыскных и правоприменительных задач соответствующими правоохранительными ведомствами, так и для людей (субъектов и участников) вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В этой связи считаю обязательным «включение» в закон норм (статей), декларирующих официальные дефиниции используемых понятий (терминов). Таковыми федеральными законами могут быть, например, УПК РФ, законы о полиции или об ОРД. Одним из наиболее рациональных решений этой проблемы нам видится подход законотворцев некоторых стран Запада, представляющих читателю (правоприменителю) основные используемые в каждом разделе или главе закона или кодекса термины (понятия) для их однозначного толкования⁸, также нашедший свое отражение в некоторых российских законах и кодексах. Например, ст. 5 УПК РФ – «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе», ст. 2 Федерального закона от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»⁹ – «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» и ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁰ – «Основные понятия».

Основываясь на том, что законодательство не ограничивается только сводом Федеральных законов, а является совокупностью всех нормативных правовых актов (т. е. и законов и подзаконных актов), следует объективно признать, что Российское законодательство все-таки не совсем безмолвствует о понятии химических веществ, но в то же время удивительно «не дает» правоведам определения этого понятия официально.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

⁶ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁷ См., например: О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. – 1999. – 6 апреля; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2001. – 31 декабря; Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 2002. – 12 января; О техническом регулировании : Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (ред. 21.11.2022) // Российская газета. – 2002. – 31 декабря и др.

⁸ См., например: Примерный Уголовный кодекс (США) : Официальный проект Института американского права / перевод с англ. А. С. Никифорова ; под ред. и с предисл. Б. С. Никифорова. – Москва: Прогресс, 1969. – 304 с.; Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл.: А. В. Серебренникова. – Москва: Зерцало-М, 2001. – 200 с. и др.

⁹ О государственной тайне : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1997. – № 41. С. 8220–8235.

¹⁰ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

Проведенный нами анализ современного российского законодательства в части регламентирования использования СХВ вообще и в оперативно-розыскных целях в частности позволяет утверждать, что оно (законодательство) фактически не содержит норм, направленных на регулирование многочисленных правовых вопросов, касающихся применения СХВ в ОРД. Имеющиеся в различных законах отдельные разрозненные и в большей своей части бланкетно-отсылочные нормы лишь косвенно и очень фрагментарно регламентируют рассматриваемый аспект в основном сосредоточены хотя и на правоохранных, но не на оперативных аспектах применения СХВ. Да и аспекты использования СХВ в правоохранительной деятельности вообще также представлены в законодательстве крайне недостаточно. В такой обстановке, как было заявлено ранее, юридическая интерпретация имеющихся положений закона может быть чрезмерно вариативна и субъективна, что в свою очередь порождает правовую неопределенность и полемичность правовых ситуаций.

Уникальность и парадоксальность ситуации в том, что в 2016 году Правительством Российской Федерации был принят «Технический регламент о безопасности химической продукции»¹¹, устанавливающий целый ряд официальных международных критериев безопасности, оснований классификации химических веществ, обязательных для исполнения требований к химической продукции и др., который должен был вступить в силу с 1 июля 2021 г. Среди прочих многочисленных понятий, имеющих отношение к регулируемой сфере, Регламент содержал и понятия химического вещества, которое для такого документа являлось бы основополагающим и которое можно было бы считать официальным, а значит легитимным: ««химическое вещество» – химические элементы и (или) их соединения, находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате любого производственного процесса, включая любые добавки, необходимые для обеспечения стабильности, и любые примеси, обусловленные процессом получения химической продукции, исключая любой растворитель, который можно отделить без нарушения стабильности химического вещества или изменения его состава (к химическим веществам относится химическая продукция, в которой химическое вещество присутствует в концентрации 80 процентов (по массе) и более, при этом оставшиеся 20 процентов (по массе) и менее считаются примесями и (или) добавками)»¹². Однако, в 2019 году данный регламент, не вступив в действие, был признан не соответствующим новым международным стандартам и утратившим силу с 28 июня 2019 г., а значит и данная, представленная в нем, дефиниция понятия «химическое вещество» не может считаться действующим юридическим определением понятия последнего, вне зависимости от того, насколько правильной, актуальной для юридического использования она является (являлась) на самом деле.

Взамен отмененного технического регламента 2016 года странами-участниками Евразийского Экономического Союза в 2017 году был принят новый технический регламент «О безопасности химической продукции»¹³, который должен был вступить в силу 2 июня 2021 г. Данный регламент содержит абсолютно идентичное тому, что было в предшествующем регламенте, определение понятия «химическое вещество». Однако и он по неизвестным причинам до сих пор не вступил в действие.

Обобщенно оценивая предложенное в обоих регламентах определение понятия «химическое вещество», можно констатировать его чрезмерную «громоздкость» и сложность для сферы правоприменения и отсутствие требуемых для юриспруденции атрибутов термина – целей применения, субъектов, правовой основы и т.п., что, по нашему мнению, в совокупности делает данную дефиницию неприемлемой для использования в качестве основы при синтезе юридической дефиниции понятий «химическое вещество» / «специальное химическое вещество», независимо от его основной (т. е. «химической») специализации верности и точности, терминологического качества и применимости формулировки в промышленных или технологических сферах.

В то же время в России имеется ГОСТ Р 58475-2019¹⁴, в котором со ссылкой на ГОСТ Р 58473-2019¹⁵, дается понятие химического вещества: «Химический элемент или химическое соединение,

¹¹ О техническом регламенте о безопасности химической продукции : постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 // СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

¹² Там же.

¹³ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.03.2017 г. № 19 «О техническом регламенте Евразийского экономического союза „О безопасности химической продукции”» (вместе с «ТР ЕАЭС 041/2017. Технический регламент Евразийского экономического союза «О безопасности химической продукции» // Евразийский экономический союз : [официальный сайт]. – URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁴ ГОСТ Р 58475-2019 Паспорт безопасности химической продукции. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 12 с.

¹⁵ ГОСТ Р 58473-2019. Классификация опасности химической продукции. Общие требования. – Москва: Стандартинформ, 2019. – 32 с. – Документ утратил силу в связи с изданием приказа Росстандарта от 30 мая 2022 г. № 424-ст.

находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате любого производственного процесса, включая любые добавки, необходимые для обеспечения стабильности, и любые примеси, обусловленные процессом получения химической продукции, исключая любой растворитель, который можно отделить без нарушения стабильности химического вещества или изменения его состава». Самый поверхностный анализ предложенного определения показывает его достаточную лаконичность и простоту, гипотетическую адаптивность к сфере правоприменения и возможность использования для формулировки официальных понятий «химическое вещество»/«специальное химическое вещество».

Не рассматривая правильность (техническое, физическое и химическое соответствие действительности) обеих выше предложенных дефиниций, можно констатировать, что в связи с постоянным изменением правового статуса соответствующих нормативных правовых актов, содержащих определение понятия «химическое вещество», и индифферентностью законодателя в этой правовой области, на сегодняшний день российское законодательство на уровне Федерального закона или кодекса не имеет официального юридического определения данного термина (понятия) вообще, а термина, приемлемого для использования в правоприменении – особенно.

Еще один парадокс ситуации с СХВ в том, что при фактическом безмолвствии закона о том, что же это такое, большинство правоведов (авторов научных и учебно-методических работ по данной тематике) используют этот термин в своих рассуждениях как давно устоявшийся, не озадачиваясь при этом установлением его функционально-правовой сущности и формулировкой дефиниции, соответствующей науке и практике. При этом гипотетически возможна ситуация, в которой под специальными химическими веществами можно понимать неоправданно широкий, функционально не оптимальный (не эффективный) и небезопасный для здоровья людей и окружающей среды перечень химических субстанций общебытового, промышленного, производственного и т. п. назначения, что, конечно же, представляется недопустимым.

Следует отметить практическое отсутствие в открытой учебной, методической и научной литературе соответствующей тематики единой концепции авторских взглядов (подходов) к синтезу именно правового понятия «специальные химические вещества», и как следствие – отсутствие его дефиниций, удовлетворяющих минимальным требованиям для юридической регламентации (юридического использования). В качестве наглядного примера предлагаем читателю для сравнения три дефиниции, предложенные авторами различных учебников по ОРД:

1. Специальные химические вещества (СХВ) – малораспространенные в быту химические соединения, позволяющие осуществить невидимую при дневном свете или ярко заметную маркировку объектов¹⁶.

2. Специальные химические вещества применяются для решения задач оперативно-розыскной деятельности, поскольку обладают определенными свойствами, которые позволяют придать помечаемым объектам (чаще всего – объектам преступного посягательства) специфические признаки, позволяющие выделить их из группы однородных объектов¹⁷.

3. Специальные химические вещества, есть средства маркировки и выявления объектов для их идентификации или аутентификации, определения местоположения и создания условий принудительного эффективного слеодообразования¹⁸.

Очевидно, что при всей просматриваемой в представленных определениях информационной достаточности для решения задач образовательного процесса (подготовки сотрудников оперативных и иных подразделений), данные определения понятия «специальные химические вещества» не являются юридическими (а представляют собой всего лишь авторские воззрения, хотя возможно и максимально точные по содержанию) понятиями, допустимыми к официальному применению в юриспруденции, что еще раз свидетельствует об отсутствии актуального определения как в законодательстве, так в реальной правоприменительной практике и в юридической науке.

Основываясь на вышеизложенном, в целях использования в сфере правоприменения вообще и оперативно-розыскной деятельности, в частности, считаем возможным

¹⁶ Баумтруг В. Э. Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах : учебное пособие. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – С. 109.

¹⁷ Хармаев Ю. В. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие. – Улан-Удэ: Издательство ВСГУТУ, 2015. – С. 77.

¹⁸ См., например: Вагин О. А., Горяинов К. К., Земскова А. В. [и др.] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – Москва: ИНФРА-М, 2008. – С. 399; Богданов А. В. [и др.] Оперативно-розыскная деятельность: учебное пособие в схемах и определениях / под ред. Е. С. Дубоносова. – Москва: Книжный мир, 2009. – С. 68 и др.

и целесообразным предложить собственную следующую дефиницию понятия «специальное химическое вещество»: *«Безопасные для жизни и здоровья граждан и окружающей среды химические элементы или химические соединения, находящиеся в естественном состоянии или полученные в результате производственного процесса, используемые в соответствии с законом должностными лицами правоохранительных органов (органов, осуществляющих ОРД) для решения задач правоохранительной, уголовно-процессуальной, экспертно-криминалистической, административной и оперативно-розыскной деятельности»*. Полагаем, что данного (или подобного ему) определения будет вполне достаточно для закона о полиции или об ОРД.

Основываясь на сказанном, продолжим далее рассматривать вопрос, как же регламентирована безопасность применения СХВ в российском законодательстве. Необходимо отметить, что до момента выхода в свет «первого» закона об ОРД в Российской Федерации в 1992 году (т. е. в период полного отсутствия в «открытом» законодательстве «специального оперативного сектора») особая/специальная регламентация использования СХВ в оперативно-розыскных целях была просто невозможна. К тому же справедливости ради необходимо отметить, что с появлением закона об ОРД и целого ряда иных законов, узко регламентирующих деятельность отдельных субъектов ОРД и правоохраны вообще, ситуация почти не изменилась – до настоящего времени Российское законодательство является нормативно выхолощенным в части регламентации использования СХВ и их безопасности.

Впервые о безопасности применения специальных средств (к которым мы относим СХВ) упоминается в ст. 14 закона Союза Советских Социалистических Республик от 6 марта 1991 года № 2001-1 «О советской милиции»¹⁹ (далее – закон о советской милиции): «Вид специального средства и интенсивность его применения определяются с учетом складывающейся обстановки, характера правонарушения и личности правонарушителя. При применении специальных средств должна сводиться к минимуму возможность причинения вреда здоровью граждан».

Анализ ранее перечисленных в рассматриваемой статье закона видов специальных средств, также называемых в специальной литературе «средствами активной обороны», позволяет утверждать об их предназначении как средств именно «физического или силового воздействия на правонарушителя» для отражения его нападения или преодоления противоправного сопротивления законным действиям должностных лиц органов правоохраны, в то время как СХВ оперативно-розыскного предназначения имеют совершенно иную направленность – превентивное воздействие на потенциального нарушителя в виду самого наличия СХВ на обработанном объекте и/или создание условий слепообразования при непосредственном совершении преступления. И законодательно ограниченные тактико-технические характеристики СХВ оперативного назначения (как вида специальных средств) и тактика их применения практически исключают возможность причинения вреда здоровью граждан, допускаемую (хотя и минимально) статьей закона при применении иных специальных средств.

В то же время считаем важным сам факт указания законодателя на безопасный характер применения специального средства. И хотя в рассматриваемом положении закона о советской милиции речь скорее всего ведется не о качественных характеристиках спецсредств (и в т. ч. СХВ), а об интенсивности оказания силового воздействия специальным средством, тем не менее, это уже можно считать первым юридическим указанием на одно из требований к специальным средствам (и в т. ч. к СХВ) – безопасность их применения.

Новаторским и важнейшим в рассматриваемом контексте положением ст. 14 закона о советской милиции нам представляется следующее: «При применении специальных средств должна сводиться к минимуму возможность причинения вреда здоровью граждан»²⁰. Такой формулировкой законодателем впервые определены самые примитивные и общие требования к специальным средствам вообще – минимальная возможность причинения вреда здоровью граждан. Очевидно, что закон о советской милиции предусматривает минимизацию вреда от использования специальных средств только и исключительно здоровью граждан. Отчасти это может быть объяснено предполагаемым в статье контекстом применения «силовых» спецсредств, а именно – пресечение массовых беспорядков. Однако данное положение можно рассматривать и применительно к специальным средствам вообще! Со временем это скупое положение эволюционирует и все последующие законы

¹⁹ О советской милиции : Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 12. – Ст. 319. – Утратил силу.

²⁰ Там же.

(закон о милиции, закон об ОРД, закон о полиции и др.) уже будут содержать в своих текстах более «развернутые» требования, включающие в себя не только вред здоровью, но и жизни граждан, а также окружающей среде.

Несколько забегая вперед, констатируем, что более расширенно (и, по нашему убеждению, правильно) общее требование к безопасности используемых специальных средств сформулировано в тексте закона о милиции. Пункт 14 ст. 11 данного закона предоставляет милиции право для выполнения возложенных на нее обязанностей «...использовать для документирования своей деятельности... другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде»²¹.

Фактически аналогичными формулировками оперирует законодатель и в последующих нормативных правовых актах (законах и кодексах) в описании условий применения специальных средств. Закон о полиции, закон об ОРД, УПК РФ, законы о некоторых специальных службах дублируют данное положение, тем самым признавая указанные требования – безопасность для жизни, здоровья граждан и окружающей среды. Нюансы интерпретации данной нормы в отдельных законах будут представлены нами далее по тексту.

Следующим по хронологии законом является Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции»²² (далее – закон о милиции). И хотя он также вышел в свет ранее закона об ОРД 1992 года и во многом основан на своем предшественнике – законе о советской милиции, тем не менее, в нем уже просматриваются нормы об использовании специальных химических веществ, допускающие их если и не прямую, то косвенную интерпретацию с позиций оперативно-розыскной деятельности.

Анализ текста закона о милиции позволяет говорить о его значительном сходстве в рассматриваемом контексте с законом СССР о советской милиции. Фактически, все вышеизложенные наши предыдущие рассуждения об указе и законе о советской милиции равно применимы к положениям закона о милиции и продублированы в нем в соответствующих положениях. В то же время закон о милиции не просто копирует ряд норм, которые могут быть истолкованы в контексте нашей темы, но и вносит определенные юридически значимые новшества.

Прежде всего, в п. 14 ст. 11 закона о милиции среди прочих прав милиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право «... использовать для документирования своей деятельности ...технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде...»²³. Пусть и опосредованно, но, тем не менее таким образом в законе официально декларированы требования безопасности к специальным средствам, а значит и к СХВ – их безопасность для жизни и здоровья людей и для окружающей среды. И хотя указанная норма носит явно бланкетно-отсылочный характер и для ее полного понимания необходимо обратиться к тексту иных нормативных правовых актов, тем не менее такое положение закона о милиции можно считать не просто новеллой, а правовым достижением с позиции легитимизации СХВ.

Кроме того, ст. 14 закона о милиции содержит интересную для нашей работы новеллу – она впервые упоминает такой вид специальных средств как «специальные окрашивающие средства», т. е. фактически вводит этот термин в юридическое поле (официально делает его правовым и легитимным) и перечисляет допустимые законом ситуации (случаи) применения/использования указанных веществ, а именно: «в случаях, предусмотренных пунктом 9 части I настоящей статьи. На объектах собственности специальные окрашивающиеся средства устанавливаются с согласия собственника или уполномоченного им лица...»²⁴. К таким случаям относятся «выявление лиц, совершающих или совершивших преступления». При этом данное положение является весьма неоднозначным само по себе и, особенно в своем дальнейшем генезисе в тексте Федерального закона Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»²⁵.

В условиях понятийно-терминологической скупости закона о милиции, крайне интересным представляется мнение некоторых из его уважаемых авторов, выраженное в комментарии к рассматриваемому закону и конкретно к этому положению: «Определения термина «специальные средства», впервые получившего «прописку» в законодательных актах бывшего СССР в 1988 году и воспринятого законодательством составлявших его республик, закон о милиции не дает. Для целей комментируемого Закона специальные

²¹ Там же.

²² О милиции : Закон Российской Федерации от 18 апреля 1991 № 1026-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 503. – Утратил силу.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

средства можно было бы определить как «состоящие на вооружении милиции и применяемые ею в случаях и порядке, предусмотренных Законом, технические изделия (устройства, предметы, вещества) и служебные животные, основным назначением которых является оказание прямого принудительного физического воздействия на человека или какие-либо материальные объекты»²⁶. Очевидно два важных акцента – отнесение веществ к специальным средствам и указание на принудительный характер физического воздействия данного инструментария. Просуществовав (и «проработав» в сфере правового регулирования общественных отношений) фактически 20 лет, закон о милиции уступил свое место закону о полиции, принятому в отличие от всех предыдущих аналогов после долгого и непростого всенародного обсуждения, и внесения множественных изменений. По истечении более 10 лет с момента его (а также многочисленных поправок и дополнений) принятия и вступления в силу, попытаемся оценить некоторые его положения, прямо или косвенно регламентирующие функционально-правовой статус СХВ. Необходимо сразу указать, что, хотя закон о полиции намного более информативен нежели все предшествующие ему вышерассмотренные законы, учитывает, как формальные, так и содержательные недостатки своих предшественников, но, тем не менее он далеко не идеален и, по нашему убеждению, не в полной мере исполняет предписываемые ему регулятивные функции в части легитимизации применения специальных химических веществ в правоохранительной деятельности (в т. ч. и в ОРД).

Так, в ст. 13 не только прямо перечислены права полиции, но и опосредованно декларированы требования к используемому полицией техническому инструментарию, а именно:

– п. 25: «...использовать ... технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде...»²⁷;

– п. 33: «...использовать в деятельности информационные системы, видео- и аудио-технику, кино- и фотоаппаратуру, а также другие технические и специальные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан, а также окружающей среде»²⁸.

В данной норме интересными представляется то, что, в ней хоть и крайне обобщенно (практически примитивно) и формально (по упомянутым видам) скупо, но все-таки перечислены виды технических средств, допустимых к использованию – информационные системы, фото-, видео-, кино-, аудиоаппаратура, технические и специальные средства, а также (что нам представляется не менее важным!) указаны основные требования безопасности, предъявляемые к ним: «не причиняющие вреда жизни, здоровью граждан и окружающей среде»²⁹. Первая попытка декларировать подобные требования была предпринята еще в законе СССР о советской милиции, но здесь законодателем использована несколько иная редакция, хотя принципиально и не меняющая сути. Закон о полиции является не единственным (и к тому же, как было сказано – не первым) нормативным правовым актом федерального уровня, упоминающим данный аспект безопасности правоохранительного инструментария для личности и окружающей среды – аналогичные требования в дальнейшем воспроизводились практически идентичными фразами во многих законах и кодексах, хотя иногда в несколько иной редакции или с иной терминологией.

Так ч. 4 ст. 6 Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» гласила, что «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются ... другие технические средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью личности и окружающей среде»³⁰.

Позднее ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» также воспроизвела практически без изменений данную норму, констатируя, что «в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются... технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде»³¹.

Интересным и неоднозначным представляются положения Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»³². Казалось бы, ст. 13 декларирует указанные

²⁶ Кондрашов Б. П., Соловей Ю. П., Черников В. В. Комментарий к закону Российской Федерации «О милиции». – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2009. – С. 244.

²⁷ СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Об оперативно - розыскной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерайции от 13 марта 1992 г. № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) // Российская газета. – 1992. – 29 апреля. – Утратил силу.

³¹ СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

³² О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 143.

требования безопасности применительно к разведывательной деятельности: «...методы и средства разведывательной деятельности не должны причинять вред жизни и здоровью людей и наносить ущерб окружающей среде»³³. Однако эта же статья далее буквально гласит: «Применение методов и средств разведывательной деятельности в отношении граждан Российской Федерации на территории Российской Федерации не допускается»³⁴. Более того, в соответствии с положениями ст. 5 данного закона, представляется очевидным, что ее цели носят исключительно информативный (сбор, анализ и предоставление информации высшим лицам Государства) характер и не предполагают какой-либо деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в рамках которой такие специальные средства (и в том числе СХВ) и могут применяться. То есть изначально разведывательная деятельность не предполагает такой функциональный формат (и перечень) использования специальных средств, как применение СХВ. Дополнительно этот аспект закона о внешней разведке будет рассмотрен нами далее в рамках исследования регламентации применения служебно-розыскных собак.

Статья 164 УПК РФ запрещает (не допускает) «применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц»³⁵, тем самым указывая на аналогичный подход законодателя к определению требований безопасности как уголовно-процессуального, так оперативно-розыскного (как неотъемлемой части всего процесса судопроизводства) инструментариев, что в целом следует признать рациональным.

По непонятным причинам законодателем не были отражены данные требования к безопасности специальных средств в Федеральном законе от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»³⁶, хотя данная государственная структура является не просто правоохранительной, но органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Также необъяснимо подобные требования не представлены и в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»³⁷, особо регламентирующем деятельность еще одного субъекта ОРД, а именно – Федеральной службы безопасности. Указание «... обязательный опрос с использованием технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде...»³⁸ в ст. 16.2 данного закона, не может считаться таковым требованием, поскольку, во-первых, подразумевает только совершенно конкретное упомянутое в тексте техническое средство (полиграф или его технические аналоги), но никак не СХВ, а, во-вторых, относится к строго оговоренным в тексте статьи категориям лиц: «граждане Российской Федерации, поступающие на военную службу, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности, военнослужащие и гражданский персонал органов федеральной службы безопасности»³⁹.

Однако отсутствие в указанных специальных законах данного требования допустимо считать не столь критичным и vitalным, так как изначально оно (требование) уже упомянуто в законе об ОРД, считающимся «общим», а потому обязательным для всех без исключения субъектов ОРД, каковыми являются указанные правоохранительные органы.

Кроме всего сказанного, находим необходимым и интересным указать на наличие аналогичного положения в нормах закона Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»⁴⁰. Так, ч. 2 ст. 5 данного закона гласит, что «...при осуществлении частной сыскной деятельности допускается использование ... технических и иных средств, не причиняющих вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде...»⁴¹, а ч. 3 ст. 11 позволяет охранным предприятиям «...оказывать услуги в виде вооруженной охраны имущества, а также использовать технические и иные средства, не причиняющие вреда жизни и здоровью граждан и окружающей среде...»⁴². Признавая, что субъекты частной детективной и охранной деятельности

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

³⁶ О государственной охране : Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 22. – Ст. 2594.

³⁷ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (ред. от 25.12.2023) // Российская газета. – 1992. – 30 апреля.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

не являются субъектами ОРД, а осуществляемые частными детективами и частными охранниками мероприятия не являются в юридическом смысле оперативно-розыскными, но учитывая при этом очевидную функциональную идентичность используемых частными охранниками и детективами средств и методов оперативно розыскным, следует признать данные положения еще одной (помимо законов о правоохранительных службах/ведомствах) констатацией законодателем требований к специальным средствам и в т. ч. к СХВ в части их безопасности.

Несмотря на новаторский характер рассматриваемого положения закона о полиции и всех упомянутых законов, его формулировка, по нашему мнению, обладает сразу несколькими пороками. Полемичным нам представляется само использование в ч. 2 ст. 6 закона об ОРД термина (понятия) «ущерб» вместо более логичного (на наш субъективный взгляд) термина (понятия) «вред». Хотя до настоящего времени в цивилистике нет единой общепринятой позиции о соотношении рассматриваемых понятий, приведем свои аргументы в поддержку использования в данном случае именно понятия «вред». Согласно Определению Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 81-КГ14-19⁴³, общее понятие вреда, предусмотренное ст. 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴⁴, определяется как «всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любое неблагоприятное изменение в охраняемом законом благе, которое может быть имущественным или неимущественным (нематериальным)»⁴⁵. Подобная формулировка полностью соответствует контексту нормы закона об ОРД. Понятие же «ущерб» (в наиболее общем смысловом значении – невыгодные имущественные последствия) в рассматриваемом случае является скорее синонимом / аналогом понятия «убыток», т. е. некий финансовый эквивалент, монетизированная степень причиненного или возможного (упущенная выгода) вреда, которая определяется судом с учетом разнообразных обстоятельств. Причем вред некоему нематериальному праву не всегда может быть адекватно оценен (рассчитан) и выражен количественно (в денежных суммах), для этого порой просто не существует каких-либо оценочных критериев. В связи с изложенным, полагаем некорректным использование законодателем понятия «ущерб» в рассматриваемой норме и целесообразным его исправление (замену) на понятие «вред».

В то же время очевидно, что используемый законодателем в других законах более приемлемый, по нашему мнению, терминологический оборот «не причиняющие вреда жизни, здоровью граждан и окружающей среде» также не имеет конкретно обозначенных в тексте закона смысловых границ, допускает чрезмерную вариативность своего юридического толкования и требует дополнительного комментария.

Во-первых, одним из «бросающихся в глаза» недостатков рассматриваемой конструкции нам представляется отсутствие в ней еще двух возможных видов вреда, которые могут быть причинены в ходе применения СХВ:

– Вред имуществу граждан, который с учетом некоторых (в основном – красящих) тактико-технических характеристик, функциональных свойств специальных химических веществ и особенностей их применения можно считать более, чем актуальным. И действительно, практически неконтролируемый выброс химической ловушкой активного типа красящего вещества способен окрасить открытые участки тела, одежду и личные вещи (имущество) нескольких, находящихся рядом с реальным преступником лиц, не причастных к преступлению, тем самым приведя данную вещь (предмет одежды, обувь, аксессуар и пр.) в ситуативную или даже полную негодность.

– Моральный вред вследствие создания фактом применения СХВ внешних (ситуативных) по отношению к невинному пострадавшему лицу обстоятельств, в которых происходит компрометация его порядочности, имиджа, доброго имени, репутации, а также срываются планируемые им мероприятия (например, поход в театр, присутствие на встрече / сделке и т. п.) или лицо вынуждено тратить свое время (например, при его доставлении в территориальный отдел ОВД для разбирательства и т. п.).

Во-вторых, если сумма ущерба (как монетизированный размер материального или морального вреда) устанавливается соответствующими нормами гражданского права,

⁴³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 г. № 81-КГ14-19 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=420049&cacheid=CE09630844D29179E5D6015E663352FF&mode=splus&rnd=WNL8YA#2KwD2DUtstnKHDW7> (дата обращения: 26.11.2023).

⁴⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁴⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2015 г. № 81-КГ14-19.

то степень причиненного вреда жизни или здоровью определяется изначально уже нормами уголовного права. Так, ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴⁶ (далее – УК РФ) определяет тяжкий вред здоровью посредством перечисления последствий – «потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее, чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности»⁴⁷. Статья 112 УК РФ таким же образом (перечислением последствий) определяет вред средней тяжести – «не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее, чем на одну треть»⁴⁸ и ст. 115 определяет легкий вред через «кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»⁴⁹.

Лишь потом судом в рамках рассмотрения гражданского иска к подсудимому (ответчику) может быть установлена соответствующая этой степени вреда жизни или здоровью сумма ущерба (в т. ч. и морального) в соответствии с нормами ГК РФ. То есть, в данном случае возможный вред (о недопущении которого и гласит рассматриваемое положение) должен оцениваться не «постфактум», и не столько размером причиненного материального ущерба в денежном эквиваленте, сколько качественно-количественно в форме вероятной угрозы и степени предполагаемой опасности для жизни и здоровья.

В контексте сказанного возникает 2 вопроса:

1. Допустимо ли в данном случае (при определении безопасности СХВ для жизни, здоровья людей и окружающей среды) использовать подход Уголовного кодекса, «оперирующего» понятиями умысла, действия/бездействия конкретного лица/группы лиц, а не опасными (деструктивными) качествами/свойствами химического вещества?

2. Как именно может или должен оцениваться возможный вред (риск причинения вреда) при создании специального средства (в данном случае – специального химического вещества, но по большому счету – любого специального средства, как «инструмента ОРД») с учетом особенностей его будущего использования?

Ответ на первый вопрос, по нашему мнению, должен быть «не допустимо!», ибо сравниваемые ситуации различны по своей природе. В одном случае это умышленное или по неосторожности (беспечности или халатности) физическое причинение одним лицом вреда жизни и здоровью другого лица. В другом же случае речь идет о создании и использовании Государством (в лице конкретных ведомств, производителей и конечных пользователей) химических веществ с заданными гарантированно безопасными характеристиками. Более того, речь целесообразнее вести не только и не столько о создании и использовании неких химических субстанций, сколько о полном жизненном цикле любого химического вещества (в т. ч. и СХВ оперативно-розыскного предназначения), включающего в себя следующие этапы: производство (импорт) – хранение – транспортировка (экспорт) – использование – переработка – уничтожение (размещение) отходов [18, с. 3].

И если условия безопасности будут нарушены на любой из упомянутых стадий в части несоответствия реальных технических характеристик (условий) требуемым (что может привести к риску причинения вреда жизни, здоровью или окружающей среде), то в данном случае такое разработанное или произведенное СХВ не может/не должно быть сертифицировано / допущено до массового применения, а само такое деяние уже должно квалифицироваться по совершенно иной статье УК РФ, как совершенное умышленно или по неосторожности, например:

– статья 234 «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта»;

– статья 236 «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»;

– статья 237 «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей»;

– статья 238 «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»;

⁴⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

- статья 246 «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ»;
- статья 247 «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»⁵⁰.

К тому же рассматриваемый подход УПК РФ к определению степени вреда очевидно относится только и исключительно к жизни и здоровью человека и неприемлем в случае причинения вреда окружающей среде, а значит не может и не должен быть использован.

Ответ же на второй вопрос не содержится в нормах уже упомянутых нами законов (рассматриваемой нами правоприменительной группы законов – УПК РФ, законы об ОРД, о полиции и др.) и требует анализа иных нормативных правовых актов.

Основываясь на результатах исследований российских специалистов в области обращения химических веществ [19; 20], можно констатировать, что основы химической безопасности в России провозглашены прежде всего Конституцией Российской Федерации⁵¹, декларировавшей в ст. 37 право каждого на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, а в ст. 42 право каждого на благоприятную окружающую среду.

Общие же прикладные требования в области безопасного обращения химической продукции и веществ прямо или косвенно устанавливаются целым рядом федеральных законов и кодексов:

- Воздушный кодекс Российской Федерации⁵²;
- Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁵³;
- Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха»⁵⁴;
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ⁵⁵;
- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»⁵⁶;
- Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁵⁷;
- Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 № 74-ФЗ⁵⁸;
- Договор от 29 мая 2014 г. «О Евразийском экономическом союзе»⁵⁹;
- Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»⁶⁰.

Согласно действующему законодательству, все используемые на территории Российской Федерации химические вещества должны проходить процедуру токсикологических исследований, соответствовать, широкому ряду санитарно-гигиенических норм и ограничений, требованиям безопасности и иметь подтверждение соответствия им, то есть быть сертифицированными. В настоящее время процесс установления подобных требований к химической продукции регулируется главным образом федеральными законами № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁶¹, № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁶² и «Договором о Евразийском экономическом союзе»⁶³.

⁵⁰ Предложенный перечень статей УК РФ имеет целью лишь показать допустимое разнообразие уголовно-правовых квалификаций гипотетических деяний, связанных с созданием и использованием специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения, не удовлетворяющих требованиям безопасности. Автор не претендует на какую-либо правильность возможной уголовно-правовой квалификации.

⁵¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

⁵² Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

⁵³ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

⁵⁴ Об охране атмосферного воздуха : Федеральный закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2222.

⁵⁵ Российская газета. – 2001. – 31 декабря.

⁵⁶ Российская газета. – 2002. – 12 января.

⁵⁷ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁵⁸ Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 № 74-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

⁵⁹ Договор о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

⁶⁰ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // СЗ РФ. – 2019. – № 11. – Ст. 1106.

⁶¹ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁶² Российская газета. – 1999. – 6 апреля.

⁶³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 09.12.2022) // PRAVO.GOV.RU : [официальный сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.11.2023).

В соответствии с Федеральным законом № 184-ФЗ «О техническом регулировании»⁶⁴ Правительством Российской Федерации 7 октября 2016 г. было издано постановление № 1019 «О техническом регламенте о безопасности химической продукции», который является прикладным документом, определяющим «требования безопасности к химической продукции с учетом согласованной на глобальном уровне системы классификации опасности и маркировки химической продукции в части установления:

а) критериев классификации опасности химических веществ и смесей для здоровья человека и окружающей среды, а также опасностей, обусловленных их физико-химическими свойствами;

б) элементов системы информирования, включающих в себя требования к маркировке и паспорту безопасности.

Настоящий технический регламент был разработан с целью установления на территории Российской Федерации обязательных для применения и исполнения требований к химической продукции, обеспечения ее свободного перемещения при выпуске в обращение на территории Российской Федерации»⁶⁵.

Как нами уже указывалось выше, данный документ должен был вступить в силу 1 июля 2021 года. Однако, до этого времени было установлено, что он не соответствовал положениям принятой еще в 2002 г. рекомендации ООН ST/SG/AC.10/30 «Согласованная на глобальном уровне система классификации опасности и маркировки химической продукции (СГС)» (Globally Harmonized System of Classification and Labeling of Chemicals (GHS)⁶⁶), с которой Россия официально согласилась (ратифицировала). В связи с этим, Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июня 2019 г. № 761⁶⁷ предшествующее Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 «О техническом регламенте о безопасности химической продукции»⁶⁸ и соответственно упомянутый в нем Регламент признаны утратившим силу с 28 июня 2019 г.

По данному факту Российскими учеными отмечалось, что «... в настоящее время классификация СГС имеет существенные различия с действующими в Российской Федерации классификациями химических веществ. После принятия СГС все страны – члены ООН, в том числе и Россия, взяли на себя международные обязательства по внедрению глобальной системы классификации химической продукции, понимая, что вхождение в эту систему положительно скажется на производстве и торговле химическими веществами, поскольку производителям и импортерам химической продукции не придется дважды классифицировать и маркировать продукцию для отечественного и зарубежного рынков. Осознавая необходимость гармонизации, страны Евразийского экономического союза приняли технический регламент «О безопасности химической продукции» (ТР ЕАЭС 041/2017)⁶⁹, который вступил в силу лишь со 2 июня 2021 г.» [21]. В настоящее время в России вообще и в ее правоприменительном секторе, в частности, сложилась патовая правовая ситуация в сфере регламентации оборота химических веществ. «Закон, определяющий правовую основу защиты населения и объектов окружающей среды от вредного химического воздействия, а также строго регламентирующий использование химических веществ на всех стадиях их жизненного цикла, является крайне необходимым. Работа в данном направлении ведется начиная с 2013 года, однако к настоящему моменту по ряду ключевых вопросов, затронутых в разработанном проекте законодательного акта, не достигнуто соглашение между заинтересованными органами исполнительной власти, что не позволяет действовать в едином направлении при решении актуальных задач обеспечения химической безопасности» [22].

В контексте сказанного остается только надеяться, что дальнейшее производство и применение специальных химических веществ оперативно-розыскного предназначения будет соответствовать разработанным и лишь недавно утвержденным стандартам безопасности, устанавливающим критерии безопасности для химических веществ вообще и СХВ в частности.

⁶⁴ Российская газета. – 2002. – 31 декабря.

⁶⁵ СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

⁶⁶ Согласованная на глобальном уровне система классификации опасности и маркировки химической продукции (СГС). – 4-е пересмотр. изд. // [Электронный ресурс] URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/danger/publi/ghs/ghs_rev04/Russian/ST-SG-AC10-30-Rev4r.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

⁶⁷ О признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 7 октября 2016 г. № 1019 : Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2019 г. № 761 // СЗ РФ. – 2019. – № 25. – Ст. 3261.

⁶⁸ СЗ РФ. – 2016. – № 42. – Ст. 5936. – Документ утратил силу.

⁶⁹ URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 06.01.2024).

Заключение

Завершая анализ сложившейся в России ситуации с нормативной правовой регламентацией оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения, возможно сделать следующие выводы:

Российская правоприменительная практика длительное время результативно использует специальные химические вещества в целях борьбы с различными видами преступлений, а юридические науки оперируют термином «специальные химические вещества», не имея при этом его (термина) официального легитимного общепризнанного научного понятия и критериев безопасности, что придает специальным химическим веществам и процессу их использования статус неправомерности.

В настоящее время законодательное (на уровне федеральных законов и ведомственного нормативного регулирования) регламентирование оборота и безопасности специальных химических веществ оперативно-розыскного назначения является нормативно выхолощенным и нуждается в немедленном восполнении в части нормативного определения основных понятий и требований к СХВ. На основе анализа перечисленных проектов технических регламентов безопасности химической продукции, автором предлагается аутентичное определение понятия «специальное химическое вещество», учитывающее требования к его безопасности и допустимое к использованию в сфере правоприменения вообще, административной и оперативно-розыскной деятельности в частности.

В связи с внесением в текст Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷⁰ понятия провокации преступления и принятием к использованию технического регламента определяющего понятие химического вещества, использование химических ловушек, снаряженных безопасными для здоровья людей и окружающей среды химическими веществами, в процессе выявления, документирования и раскрытия карманных краж и иных преступлений следует признать правомерным и исключить практику оспаривания надзирающими прокурорами фактов использования оперативными подразделениями химических ловушек, в том числе активного типа.

Список литературы

1. Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий : монография. – Москва: Проспект, 2024. – 304 с.
2. Захарья И. Т., Коновалов Г. Г. Специальные средства, используемые при раскрытии и расследовании краж из банкоматов / Юридические науки, правовое государство и современное законодательство : сборник научных трудов. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 86–87.
3. Курьисев К. Н. Использование химических ловушек в уголовно-исполнительной системе: правовой аспект // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 3 (21). – С. 15–17.
4. Чередник Н. И., Шавырина В. В. Актуальные проблемы применения специальных химических средств сотрудниками правоохранительных органов // Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, 19–20 марта 2020 г : в 5 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 344–348.
5. Борзенкова К. Ю. Использование специальных химических средств сотрудниками правоохранительных органов / Молодежь и наука: шаг к успеху : сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, 19–20 марта 2020 г : в 5 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. – Т. 2. – С. 43–45.
6. Дубровин С. В., Розин А. Н. Актуальные вопросы использования специальных химических веществ при раскрытии и расследовании преступлений // Образование. Наука. Научные кадры. – 2008. – № 4. – С. 35–38.
7. Ментюков В. В. Применение СХВ и химических ловушек в оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2006. – № 6. – С. 54–55.

⁷⁰ СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

8. *Иевлева А., Руденко А.* К вопросу о применении специальных средств в системе ОВД России: исторический аспект / Трансформация уголовного законодательства: перспективные направления : сборник научных статей Международной конференции молодых ученых и студентов, 14–16 ноября 2019 г. / редкол.: А. А. Гребеньков [и др.]. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. – С. 77–83.
9. *Шахматов А. В., Пальцев А. А.* Виды тактической операции по задержанию с поличным лиц, совершающих коррупционные преступления // Журнал правовых и экономических исследований. – 2021. – № 1. – С. 90–96; <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.66.22.016>.
10. *Гулина Е. В., Гармаев Ю. П.* Расследование коррупционных преступлений в сфере высшего образования : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 192 с.
11. *Грачев Ю. А., Кежов А. А., Степанов И. В., Никишин А. В.* [и др.] Должностная корыстная преступность в сфере государственной службы : монография. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – 132 с.
12. *Каширский Д. Ю., Баумтрог В. Э., Котова А. С.* Проблемы применения химических ловушек участковыми-уполномоченными и оперативными сотрудниками полиции при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. – 2021. – № 2 (87). – С. 119–124.
13. *Дубровин С. В., Розин А. Н.* Актуальные вопросы использования специальных химических веществ при раскрытии и расследовании преступлений // Образование. Наука. Научные кадры. – 2008. – № 4. – С. 35–38.
14. *Дюгаев К. П., Михаличенко А. Г., Задов Б. В., Гончаров Е. В.* Применение специальных химических веществ скрытного действия нового поколения в оперативно-розыскной деятельности управления ФСКН России по Красноярскому краю // Сборник ФСКН России. – 2014. – № 6-2. – С. 46–57.
15. *Николаев О. Э.* Специальные химические вещества в деятельности органов внутренних дел / Актуальные вопросы теории и практики ОРД : сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, 30 ноября 2018 г. / под ред. В. В. Абрамочкина. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. – С. 71–76.
16. *Чмырев С. Н.* К вопросу о законности применения специальных средств сотрудниками полиции // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1-1. – С. 272–276.
17. *Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локишина М. Д.* [и др.] Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. – Москва: Юридическая литература, 1990. – 189 с.
18. *Скобелев Д. О., Макарова А. С., Муратова Н. М., Костылева В. М., Зверкова Н. В.* Безопасность химической продукции. Международные и национальные аспекты / науч. ред. А. Д. Козлов. – Москва: Маркетинг. Информационные технологии, 2011. – 230 с.
19. *Зажигалкин А. В., Зверкова Н. В., Макарова А. С., Скобелев Д. О.* Проблемы нормативно-правового обеспечения безопасного обращения химической продукции в Российской Федерации // Стандарты и качество. – 2011. – № 1. – С. 34–37.
20. *Зажигалкин А. В.* Нормативно-правовое обеспечение химической безопасности в РФ // Методы оценки соответствия. – 2011. – № 3. – С. 8–11.
21. *Кловач Е. В., Буйновский С. Н., Селезнёв Г. М., Лобанов Ф. И.* Оценка влияния изменений в классификации химической продукции на законодательство по промышленной безопасности // Безопасность труда в промышленности. – 2018. – № 8. – С. 69–74; <https://doi.org/10.24000/0409-2961-2018-8-69-74>.
22. *Савостикова О. Н., Водянова М. А., Алексеева А. В., Мамонов Р. А.* Комплекс мер, закрепленный законодательством Российской Федерации, направленный на обеспечение химической безопасности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2019. – № 6. – С. 91–95.

References

1. *Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.* Operativno-rozysknoy instrumentariy: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2024. – 304 s.
2. *Zakhar'ya I. T., Konovalov G. G.* Spetsial'nyye sredstva, ispol'zuyemyye pri raskrytii i rassledovanii krazh iz bankomatov / Yuridicheskiye nauki, pravovoye gosudarstvo i sovremennoye zakonodatel'stvo : sbornik nauchnykh trudov. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 86–87.

3. *Kurysev K. N.* Ispol'zovaniye khimicheskikh lovushek v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme: pravovoy aspekt // Penitentsiarnoye pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika. – 2019. – № 3 (21). – S. 15–17.

4. *Cherednik N. I., Shavyrina V. V.* Aktual'nyye problemy primeneniya spetsial'nykh khimicheskikh sredstv sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // Molodezh' i nauka: shag k uspekhu : sbornik nauchnykh statey 4-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, 19–20 marta 2020 g : v 5 t. / otv. red. A. A. Gorokhov. Kursk : Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2020. – T. 2. – S. 344–348.

5. *Borzenkova K. Yu.* Ispol'zovaniye spetsial'nykh khimicheskikh sredstv sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov / Molodezh' i nauka: shag k uspekhu : sbornik nauchnykh statey 4-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, 19–20 marta 2020 g : v 5 t. / otv. red. A. A. Gorokhov. Kursk : Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2020. – T. 2. – S. 43–45.

6. *Dubrovin S. V., Rozin A. N.* Aktual'nyye voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2008. – № 4. – S. 35–38.

7. *Mentyukov V. V.* Primeneniye SKHV i khimicheskikh lovushek v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2006. – № 6. – S. 54–55.

8. *Iyevleva A., Rudenko A.* K voprosu o primenении spetsial'nykh sredstv v sisteme OVD Rossii: istoricheskiy aspekt / Transformatsiya ugolovnogo zakonodatel'stva: perspektivnyye napravleniya : sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh i studentov, 14–16 noyabrya 2019 g. / redkol.: A. A. Greben'kov [i dr.]. – Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 77–83.

9. *Shakhmatov A. V., Pal'tsev A. A.* Vidy takticheskoy operatsii po zaderzhaniyu s polichnym lits, sovershayushchikh korrupsionnyye prestupleniya // Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy. – 2021. – № 1. – S. 90–96; <https://doi.org/10.26163/GIEF.2021.66.22.016>.

10. *Gulina Ye. V., Garmayev Yu. P.* Rassledovaniye korrupsionnykh prestupleniy v sfere vysshego obrazovaniya : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 192 s.

11. *Grachev Yu. A., Kezhov A. A., Stepanov I. V., Nikishin A. V. [i dr.]* Dolzhnostnaya korystnaya prestupnost' v sfere gosudarstvennoy sluzhby : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – 132 s.

12. *Kashirskiy D. Yu., Baumtrog V. E., Kotova A. S.* Problemy primeneniya khimicheskikh lovushek uchastkovymi-upolnomochennymi i operativnymi sotrudnikami politsii pri rassledovanii prestupleniy // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. – 2021. – № 2 (87). – S. 119–124.

13. *Dubrovin S. V., Rozin A. N.* Aktual'nyye voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2008. – № 4. – S. 35–38.

14. *Dyugayev K. P., Mikhailichenko A. G., Zadov B. V., Goncharov Ye. V.* Primeneniye spetsial'nykh khimicheskikh veshchestv skrytnogo deystviya novogo pokoleniya v operativno-rozysknoy deyatel'nosti upravleniya FSKN Rossii po Krasnoyarskomu krayu // Sbornik FSKN Rossii. – 2014. – № 6-2. – S. 46–57.

15. *Nikolayev O. E.* Spetsial'nyye khimicheskiye veshchestva v deyatel'nosti organov vnutrennikh del / Aktual'nyye voprosy teorii i praktiki ORD : sbornik nauchnykh trudov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 noyabrya 2018 g. / pod redaktsiyey V. V. Abramochkina. – Moskva: Moskovskiy universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2019. – S. 71–76.

16. *Chmyrev S. N.* K voprosu o zakonnosti primeneniya spetsial'nykh sredstv sotrudnikami politsii // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2016. – № 1-1. – S. 272–276.

17. *Bogolyubov S. A., Kaz'min I. F., Lokshina M. D. [i dr.]* Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1990. – 189 s.

18. *Skobelev D. O., Makarova A. S., Muratova N. M., Kostyleva V. M., Zverkova N. V.* Bezopasnost' khimicheskoy produktsii. Mezhdunarodnyye i natsional'nyye aspekty / nauch. red. A. D. Kozlov. – Moskva: Marketing. Informatsionnyye tekhnologii, 2011. – 230 s.

19. *Zazhigalkin A. V., Zverkova N. V., Makarova A. S., Skobelev D. O.* Problemy normativno-pravovogo obespecheniya bezopasnogo obrashcheniya khimicheskoy produktsii v Rossiyskoy Federatsii // Standarty i kachestvo. – 2011. – № 1. – S. 34–37.

20. *Zazhigalkin A. V.* Normativno-pravovoye obespecheniye khimicheskoy bezopasnosti v RF // *Metody otsenki sootvetstviya*. – 2011. – № 3. – S. 8–11.

21. *Klovach Ye. V., Buynovskiy S. N., Seleznov G. M., Lobanov F. I.* Otsenka vliyaniya izmeneniy v klassifikatsii khimicheskoy produktsii na zakonodatel'stvo po promyshlennoy bezopasnosti // *Bezopasnost' truda v promyshlennosti*. – 2018. – № 8. – S. 69–74; <https://doi.org/10.24000/0409-2961-2018-8-69-74>.

22. *Savostikova O. N., Vodyanova M. A., Alekseyeva A. V., Mamonov R. A.* Kompleks mer, zakreplenny zakonodatel'stvom Rossiyskoy Federatsii, napravlenny na obespecheniye khimicheskoy bezopasnosti // *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. – 2019. – № 6. – S. 91–95.

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 31.05.2024.

The article was submitted December 5, 2023; approved after reviewing May 17, 2024; accepted for publication May 31, 2024.